

Дарина Григорова

Доктор исторических наук, профессор

Исторический факультет

Софийски университет 'Св. Климент Охридски'

г. София, Болгария

dgrigorova@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТРИЦАНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ИДЕИ

Аннотация

В статье исследуется евразийская историософия русской эмиграции после 1917 года, создавшей концепцию «туранского этнопсихологического типа» (Николай Трубецкой, Петр Савицкий) на основе туранской идеи Константина Леонтьева, основой которой является отрицание славянской идеи и ведущего славянского элемента в русской идее и культуре. Анализируются тексты Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского. Основными источниками для статьи послужила русская эмигрантская периодика: журналы «Евразийская хроника», «Путь», евразийские историософские сборники. В понятийном аппарате ранних евразийцев «славянский» был равнозначен «европоцентристскому», отсюда и евразийское неприятие славянской идеи.

Ключевые слова: Евразийство, туранский миф, русская идея, европоцентричность, восточничество, западничество, славянская идея

„Русский народ стихийно стремился на восток, против солнца”. В своем поэтическом наблюдении над судьбами русской нации Георгий Вернадский раскрыл душу евразийской историософии.

Евразийство – самое спорное идейное течение русской общественной мысли XX века, вызывающее ожесточенную и в большинстве случаев скорее эмоциональную, нежели научную критику. Определения, которыми наделяют его как сторонники, так и оппоненты, по противоречивости и по крайности реакции русской общественности заставляют вспомнить „Философические письма” П.Я. Чаадаева. Формально П.Я. Чаадаев и ранние евразийцы находятся по разные стороны баррикады. Однако метафизическое западничество и интуитивный неокатолицизм по-чаадаевски, метаисторическое „восточничество” и доктринальное православие по-евразийски в одинаковой степени служат проявлением чувства принудительной

изоляции – как изнутри, так и извне. Нереализованный дух декабризма П.Я. Чаадаева, замкнутый в Николаевской России, и нереализованная революция сознания евразийцев, закапсулированная в эмигрантском бытии, объединяются одним словом: протест. Протест отчаяния, или очередной „выстрел, раздавшийся в темную ночь”, если сослаться на Александра Герцена, с одной стороны, и протест из-за несбывшихся надежд революции, с другой.

Русская эмиграция чаще всего определяет свое положение одним словом: „катастрофичность”. По мнению Николая Трубецкого, “атмосфера катастрофического мироощущения” объединила евразийцев в сборнике „Исход к востоку” (1921 г.). И они находят выход из этой катастрофы – превращают ее в позитив, в катализатор будущего: „в катастрофическом происходящем мы видим знание назревающего, ускоряющегося переселения и перерождения культуры”¹⁰³⁴. Гибельным считал евразийское мироощущение и Георгий Флоровский, который в 1926 году все еще принадлежал к евразийскому кругу и защищал его в разгоревшейся на страницах журнала „Путь” полемике с главным оппонентом евразийцев Николаем Бердяевым: “мы, “евразийцы”, с самого начала подчеркнули, что наше суждение складывается на основе катастрофического мироощущения, что первое и основное для нас – видение исторического трагизма. А противостоят нам именно те, кто не видит и даже не желает видеть этого трагизма, люди идиллического склада”¹⁰³⁵.

Эсхатологические предчувствия характерны для русского идеализма начала XX века, частью которого являлись и будущие евразийцы. О „катастрофе”, о крахе утопий пишет в своей книге о Владимире Соловьеве князь Евгений Трубецкой, указывая на “то катастрофическое мироощущение, которое во всем мире воспиталось войнами, революциями, социальными бедствиями и бесчисленными неудачами социального реформаторства”.

Архетипы историософского сознания, особенно русского, трудно установить и категоризировать. Евразийская индивидуальность эклектична – ее источники коренятся как в русском романтизме славянофильства и религиозном мессианизме, так и в консервативной, в либеральной и даже в радикальной мысли XIX века.

¹⁰³⁴ Исход к востоку. Статьи Н.С. Трубецкого // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 312.

¹⁰³⁵ Флоровский Г.В. Окамененное бесчувствие. (По поводу полемики против евразийства) // Путь, 1926, № 2, с. 130.

ГЕНОЦИД СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В XX ВЕКЕ

Евразийские наблюдения над русским характером и интеллигенцией, за малыми исключениями, повторяли наблюдения русской общественной мысли XIX века. Новым из того, что предлагали евразийцы, была их концепция о происхождении русских и о сущности русской идеи. В этом отношении евразийство создавало свои мифы, отвергая старые.

Первым мифом, который отвергали евразийцы в русской эмиграции, был миф о полностью славянском происхождении русского народа и русской культуры, с одной стороны, и о ведущей роли славянского вопроса в русской идее, с другой.

Евразийцы создали миф о туранском элементе в русском национальном характере. В этом отношении они являлись преемниками Константина Леонтьева, который, не развивая этот вопрос теоретически, в одном из своих упреков, адресованных Николаю Данилевскому по поводу его веры в славянское племя, заявлял: «нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание с ним всего того получуждого, преимущественно восточного (а кое в чем и западного), которое заметнее в России, чем у других славян. Нужна вера в [...] плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь»¹⁰³⁶.

Удаляясь от славянской идее, Константин Леонтьев создает туранский миф – основа будущей евразийской концепции: «бессознательное назначение России не было и не будет чисто славянским. [...] Россия давно уже не чисто-славянская держава. [...] можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций самая не славянская и в то же время самая славянская. [...] ибо только из более восточной, из наиболее азиатской – туранской нации, в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое»¹⁰³⁷.

Из ранних евразийцев крупнейшим и оригинальнейшим теоретиком туранства был Н.С. Трубецкой, следуемый более умеренным Г.В. Вернадским. (Умеренность Вернадского была результатом его профессии. Как историк он трудно мог поддаваться искушению сотворять мифы, историк обязан их разрушать, что и делал Вернадский, касаясь славянской идеи, однако в создании образа туранца-евразийца он не участвовал.)

¹⁰³⁶ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996, с. 480.

¹⁰³⁷ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах, Гражданин, 1882–1883 // Леонтьев, К. Восток, Россия и славянство. Т. I, М., 1885, 284–285.

Н.С. Трубецкой признавал, что основным элементом в образовании русской национальности был славянский. Г.В. Вернадский тоже считал, что “русские в своей основе – славяне”. П.Н. Савицкий разделял славянство на „европейское” и „евразийское”: “славянство в своем историческом и культурном развитии принадлежит не одному, а двум географическим и культурно-историческим мирам [...] миру Европы [...] миру Евразии [...] Важно установить [...] границы между евразийским и европейским славянством”¹⁰³⁸. Подобным разграничением занимался и евразиец В.П. Шапиловский, для которого “творчески-культурные профили болгар и сербо-хорвато-словенцев принадлежат будущему, а поляки и чехи в своей “реальной” политике должны быть в большей мере отнесены к западному европейскому миру”¹⁰³⁹.

Однако, Н.С. Трубецкой, категорически утверждал, что “в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем “славянства”. Русские вместе с угро-финами и волжскими тюрками составляют особую культурную зону, имеющую связи со славянством и с “туранским” востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее. Связь русских с “туранцами” закреплена не только этнографически, но и антропологически: ибо в русских жилах несомненно, кроме славянской и угро-финской крови течет, и тюркская кровь”.

„Славянский характер” или „славянская психика”, по мнению Н.С. Трубецкого, это мифы. „Славянская культура” – тоже миф¹⁰⁴⁰. Н.С. Трубецкой рассматривал „славянство” как понятие „лингвистическое”, отнюдь не как этнографическое, культурно-историческое и антропологическое понятие. Согласно этой логике, и „евразийство” можно было рассматривать только как географическое и геополитическое понятие, потому что евразийской культуры нет, есть культура русская, и эта культура европейская! Даже К.Н. Леонтьев, которого евразийцы считали одним из своих архетипов, определял русскую культуру как европейскую и считал, что европейское культурное наследие “вечно и до того богато, до того высоко, что

¹⁰³⁸ Савицкий П.Н. Русские среди народов Евразии. // Русский узел евразийства, с. 405.

¹⁰³⁹ Доклад В.П. Шапиловского. // Евразийская хроника, 1925, № 1, ГАРФ, ф. 5783, оп. 2, д. 7, л. 19.

¹⁰⁴⁰ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этическая основа русской культуры). // Пути Евразии..., 331, 334; Он же. Общеславянский элемент в русской культуре. // История. Культура. Язык. М., 1995, с. 206.

история еще ничего не представляла подобного”. Более того, К.Н. Леонтьев совершенно по-чаадаевски и антиевразийски был убежден, что “не было еще народа менее творческого, чем мы. Разве турки”.

Цель Н.С. Трубецкого, однако, состояла не в том, чтобы быть объективным, а в том, чтобы создать новую мифологию – евразийскую. “Объективной наукой может быть в университете, делился он своим мнением с П.М. Бицилли, – а в гимназии особенно история непременно должна быть тенденциозна. [...] молодежь нужно воспитывать в протесте против притязания романо-германцев на всемирное господство и на общечеловечность их культуры. И вот в этом-то направлении и должен быть тенденциозен тот учебник истории для русских гимназий...”.

По подобию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского Н.С. Трубецкой создал „туранский этнопсихологический тип”, используя прежде всего языковедческий анализ. Он вел споры с П.М. Бицилли по поводу роли туранцев в русской культуре. В письме от 1922 года Н.С. Трубецкой упрекал своего оппонента в их недооценке: “Вы не грешите огульным низведением туранцев до степени скотоподобных варваров, не повторяете вместе с Бунаковым несправедливого ходячего места о “ноге Азии”. Но все таки в некоторых местах, где Вы говорите о туранцах как о этническом типе, в Ваших словах сквозит некоторая нотка пренебрежения. Вы говорите о культурной пассивности туранцев, о их неспособности к творчеству, о их религиозной бездарности. Прежде всего, это не совсем справедливо: туранцам просто “адски не везло”, ибо они попали в силу исторической необходимости под влияние самых обезличивающих и убивающих национальное культурное творчество религий, – мусульманства и буддизма [...] Но даже независимо от вопроса о творческих способностях туранцев в области создания духовных ценностей, нельзя отрицать в них дарований государственных и грюндерского темперамента [...] А так как мы, русские, в области нашей государственности чрезвычайно многим обязаны именно этим чертам туранских народов, то поэтому подчеркивать их бездарность в культурном отношении является не только несправедливым, но и неблагодарным и бестактным. Пренебрежительный тон по отношению к туранцам бестактен, в частности, и для нас, евразийцев”.

Более того, Н.С. Трубецкой через туранский элемент прослеживал связь между русскими и южными славянами: “по целому ряду вопросов русская народная культура примыкает именно к востоку, так что граница “востока” и “запада” иной раз проходит именно между

русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что те и другие – славяне, а потому, что те и другие испытали сильное тюркское влияние”¹⁰⁴¹.

Н.С. Трубецкой отвергал славянскую миссию России: “Много говорили о том, что историческая миссия России состоит в объединении наших “братьев” славян. При этом обычно забывали, что нашими “братьями” (если не по языку и по вере, то по крови, характеру и культуре) являются не только славяне, но и туранцы, и что фактически Россия уже объединила под сенью своей государственности значительную часть “туранского” востока”. Туранцы принесли русскому народу государственность, основывающуюся на „беспрекословном подчинении”. „Общевразийская государственность” туранских кочевников Чингисхана перешла к туранцам. По мнению Н.С. Трубецкого, „Россия–Евразия” равнозначна „русско-туранскому”, а не „русско-славянскому” началу. Очень редко он употреблял термин „славяно-туранский”: “национальный русский тип по существу не чисто славянский, а славяно-туранский. Русское племя создавалось не путем насильственной руссификации инородцев, а путем братания русских с инородцами”¹⁰⁴².

П.Н. Савицкий также использовал термин „братание” для „национальных условий” Евразии, которые достигнут „инного конструирования отношений между российской нацией и другими нациями Евразии, чем то, которое имеет место в областях, вовлеченных в сферу европейской колониальной политики, в отношениях романогерманцев и туземных народов. Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого “братания” нации, не имеющего никаких аналогий в международных соотношениях колониальных империй”¹⁰⁴³.

И Н.С. Трубецкой, и П.Н. Савицкий считали европеизацию равнозначной колонизации. Однако, когда дело касалось

¹⁰⁴¹ Трубецкой Н.С. “В судьбе моей произошли значительные перемены”. Три письма Н.С. Трубецкого 1922 года. // Славяноведение, 2000, № 1, 106–107; Он же. Верхи и низы русской культуры..., с. 340.

¹⁰⁴² Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры..., с. 346. Он же. О туранском элементе в русской культуре. // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993, с. 71. Он же. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М., 1995, с. 248.

¹⁰⁴³ Савицкий П.Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого “Европа и человечество”). // Русская мысль, (София), 1921, №. 1–2, с. 133.

руссификации, то говорилось не о „колонизации”, а о „братании” нации – подмена понятий была частью евразийской идеологии.

Туранскую психологию Н.С. Трубецкой обнаруживал и в отношении русского человека к православной вере: “именно в силу туранской психики древнерусский человек не умел отделять своей веры от своего быта [...] то психологическое различие между русским и греческим подходом к вере и к обряду, которое так ярко проявилось в эпоху возникновения раскола, было следствием именно того обстоятельства, что в древнерусском национальном характере глубоко укоренились туранские этнопсихологические элементы, совершенно чуждые Византии”¹⁰⁴⁴.

П.Н. Савицкий тоже придерживался туранской концепции: “Россия – наследница Великих Ханов, продолжительница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии”. П.Н. Савицкий высказывал историческую и хозяйственно-географическую точки зрения относительно Старого света: “окраино-приморская” область – восточная – Китай, южная – Индия и Иран, западная – Средиземноморье и Западная Европа, с одной стороны, а с другой – “центральный мир”: “эластичная масса” кочевых степных народов. Россия одновременно и “оседлая”, и “степная” стихия, “народа-земледельца” и “народа-всадника”¹⁰⁴⁵.

Крайним последователем Н.С. Трубецкого, не оказывавшим существенного влияния на евразийскую идеологию, был востоковед В.П. Никитин, который заявлял: “мы индоевропейцы; мы имеем сильную дозу туранства, но мы арийцы”¹⁰⁴⁶.

В первой программе евразийства от 1926 года подтверждались тезисы Н.С. Трубецкого: “оказывается, что основа русской культуры – культура великоросская – связана со славянством [...] в пользу чего свидетельствует язык [...] но что совершенно несправедливо по отношению к финской и туранской вообще крови [...] нет оснований говорить о славяно-русском мире как о культурном целом [...] мы не славяне и не туранцы, а – русские”¹⁰⁴⁷.

В поисках подтверждения того, что зарождается новый культурный тип, более тесно связанный с Востоком, нежели с Западом,

¹⁰⁴⁴ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре..., 71–72.

¹⁰⁴⁵ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией..., 123, 127.

¹⁰⁴⁶ Никитин В.П. Переписка с “Азиатом” В. Ивановым. // Евразийская хроника, 1926, № 6, с. 7.

¹⁰⁴⁷ Евразийство. Опыт систематического изложения. // Пути Евразии..., 373–374.

П.П. Сувчинский ссылался на историка С.Ф. Платонова: “происходит какое-то перерождение среднего русского человека; этот новый тип – скорее степного, восточного характера. Вследствие весьма сложных внутренних процессов, передвижений людских масс, всеобщей элементаризации, Россия стала восточной страной”¹⁰⁴⁸. П.П. Сувчинский был убежден, что, не зная об евразийстве, С.Ф. Платонов тем не менее подтверждал его правильность, однако, он не вкладывал в эту перемену к восточному положительного смысла, а как раз наоборот.

Слишком упрощенным было бы объявление евразийства в полной мере эпигоном концепции культурно-исторических типов Николая Данилевского, как их категоризировал Н.А. Бердяев. Сам Н.А. Бердяев стоял намного ближе к Н.Я. Данилевскому, поскольку он воспринимал славянскую проекцию в русской идее. Всемирная миссия русского народа, по его мнению, состояла в том, чтобы быть „во главе славянской расы [...] русский империализм связан с призванием славянства в мире. [...] Бьет тот час мировой истории, – продолжал Н.А. Бердяев, – когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества. [...] Славянская раса, во главе которой стоит Россия, должна раскрыть свои духовные потенции, выявить свой пророчесственный дух [...] это раса будущего”¹⁰⁴⁹.

Историческое время, в которое жили евразийцы, и время Н.Я. Данилевского были весьма различны и для России и для Европы. С точки зрения Н.Я. Данилевского одним из узловых вопросов русской геополитической ориентации, фокусирующим внимание общества, являлся Восточный вопрос и сопутствующий ему славянский вопрос – источник актуальности идеи славянской федерации. Всеславянский союз Н.Я. Данилевского и славянская федерация К.Н. Леонтьева в 70-ые годы XIX века легитимировали Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., или „Вторую восточную войну”, как называли ее в тогдашней публицистике. В модели Н.Я. Данилевского доминировало политическое начало, в модели К.Н. Леонтьева – религиозное начало.

Конец 70-ых годов XIX века был вершиной славянской идеи и для русской внешней политики, и для русской общественной мысли, после чего приоритеты постепенно отодвинуты к Среднему и Дальнему Востоку. Восточный вопрос, который, по мнению Н.Я.

¹⁰⁴⁸ Письмо П.П. Сувчинскому П.Н. Савицкому от 19 августа 1924 г. // Евразия..., с. 26.

¹⁰⁴⁹ Бердяев Н.А. Интернационализм, национализм и империализм..., с. 23, 28; Он же. Душа России. Л., 1990, с. 4, 19.

ГЕНОЦИД СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В XX ВЕКЕ

Данилевского, должен быть „центром будущей судьбы славянства”, вместо того чтобы объединять славян с Россией, отрывает их от нее. Новообразованные славянские государства на Балканах радовались политическим свободам, которых было лишено русское общество. Идея Пролетариата продолжала вдохновлять проекты А.И. Нелидова при Александре III, а во время Первой мировой войны – дипломатические усилия С.Д. Сазонова, которому удалось договориться с Англией и Францией о их судьбе после возможной победы. Однако, разочаровавшись решением Берлинского конгресса, общество России перестало интересоваться славянской идеей. Последним ее ревностным радетелем оставался Иван Аксаков, который пропагандировал эту идею до середины 80-х годов, не имея серьезных последователей.

Формирование евразийской историософии началось задолго до ее официального рождения, состоявшегося в 1921 году в Софии. Этот период, начавшийся в 1908 году, включал войну и две революции. Потери в результате Первой мировой войны, распад империи Романовых, Гражданская война, принудительная эмиграция обрисовали новые реалии в глазах уцелевшей „старой” интеллигенции, частью которой являлись евразийцы. Славянскую идею уже не воспринимали как часть русской идеи, для русского национального сознания велись поиски новых горизонтов. „Славянское” для евразийцев равнозначно европоцентристскому.

Туранский миф – не только спор об этногенезисе русских, это прелюдия к главной цели евразийцев – сохранить Российскую империю, расширив ее до евразийской, объявив ее наследницей Чингисхана. Туранский миф Н.С. Трубецкого легитимировал геополитический статус России-Евразии на востоке. Евразийцы создали альтернативу славянской идеи, геополитические ориентиры которой были направлены на запад и на юг, к Босфору, и сориентировали Россию в сторону Среднего и Дальнего Востока. Евразийцы были предшественниками глобализации по-русски. Не случайно „новые” евразийцы с 1991 года используют евразийскую идеологию, чтобы восстановить постсоветское пространство в Российской Федерации если не институционально, то экономически, культурно и геополитически.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А. Душа России. Л., 1990.
- Бердяев Н.А. Интернационализм, национализм и империализм..., с. 23, 28
- Доклад В.П. Шапиловского // Евразийская хроника, 1925, № 1, ГАРФ, ф. 5783, оп. 2, д. 7, л. 19.
- Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии..., 373–374.
- Исход к востоку. Статьи Н.С. Трубецкого // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
- Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах, Гражданин, 1882–1883 // Леонтьев, К. Восток, Россия и славянство. Т. I, М., 1885.
- Никитин В.П. Переписка с “Азиатом” В. Ивановым // Евразийская хроника, 1926, № 6, с. 7.
- Письмо П.П. Сувчинскому П.Н. Савицкому от 19 августа 1924 г. // Евразия..., с. 26.
- Савицкий П.Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого “Европа и человечество”) // Русская мысль, (София), 1921, №. 1–2, с. 133.
- Савицкий П.Н. Русские среди народов Евразии // Русский узел евразийства, с. 405.
- Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией..., 123, 127.
- Трубецкой Н.С. “В судьбе моей произошли значительные перемены”. Три письма Н.С. Трубецкого 1922 года // Славяноведение, 2000, № 1, 106–107.
- Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этическая основа русской культуры) // Пути Евразии..., 331, 334; Он же. Общеславянский элемент в русской культуре // История. Культура. Язык. М., 1995, с. 206.
- Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры..., с. 340, 346.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М., 1995, с. 248.
- Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
- Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре..., 71–72.
- Флоровский Г.В. Окамененное бесчувствие. (По поводу полемики против евразийства) // Путь, 1926, № 2, с. 130.

Darina Grigorova

Ph.D in History, professor

Faculty of History, Sofia University St. Kliment Ohridski

Sofia, Bulgaria

dgrigorova@mail.ru

THE EURASIAN NEGATION OF THE SLAVIC IDEA

Abstract: The article studies the Eurasian historiography of the Russian emigration after 1917, which created the concept of ‘Turanian ethnopsychological type’ (Nikolai Trubetskoy, Peter Savitsky) based on Konstantin Leontiev's Turanian idea, the idea of which is based on the denial of the Slavic idea and the leading Slavic element in the Russian idea and culture—the texts of N.S. Trubetskiy, P.N. Savitsky, K.N. Leontiev and N.Y. Danilevsky are analysed. The primary sources for the article were Russian emigrant periodicals: the journals ‘Eurasian Chronicle’, ‘Put’, and Eurasian collections of historiography. In the conceptual apparatus of the early Eurasians, ‘Slavic’ was equivalent to ‘Eurocentric’, hence the Eurasian rejection of the Slavic idea.

Keywords: Eurasianism, Turanian myth, Russian idea, Eurocentricity, Easternism, Westernism, Slavic idea